

Научная статья

Научная специальность

5.1.5 «Международно-правовые науки»

УДК 349.6

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.1.127>

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ

© Колобов Р. Ю., 2024

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Иркутский научный центр СО РАН, г. Иркутск, Россия

Анализируются тенденции развития системы охраны уникальных объектов общемирового значения, созданной в соответствии с Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. Отмечаются значительный вклад рассматриваемых юридических и организационных механизмов в сохранение таких объектов и необходимость их усиления в условиях развивающегося кризиса международных отношений. Существующие проблемы в системе охраны всемирного наследия анализируются на примере Декларации принципов содействия международной солидарности и сотрудничеству в целях сохранения всемирного наследия, принятой в 2021 г. на двадцать третьей сессии Генеральной ассамблеи государств – участников Конвенции. Показывается сохраняющийся дисбаланс уделения внимания объектам культурного и природного наследия, обнаруживающий себя и в тексте Декларации. Выявляется тенденция смещения акцентов на процессы отбора и включения объектов в Список всемирного наследия. Отмечается расхождение положений Конвенции и практики ее применения в вопросе о роли указанного Списка. Одной из серьезных проблем, угрожающих устойчивости системы охраны всемирного наследия, признается системное расхождение позиций Комитета всемирного наследия и его консультативных органов. Констатируются наличие недостатков в работе консультативных органов Комитета и необходимость усилить качество их научной экспертизы. Обосновывается необходимость создания всесторонней национальной нормативно-правовой базы по вопросам охраны всемирного природного наследия в России. На примере оз. Байкал показывается необходимость предварительной научной оценки последствий изменения режима охраны объектов всемирного наследия. По результатам проведенного исследования формулируются предложения о совершенствовании перечня принципов, закрепленных в Декларации.

Ключевые слова: всемирное наследие, международное право, Список всемирного наследия, Комитет всемирного наследия, ЮНЕСКО.

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE WORLD HERITAGE PROTECTION SYSTEM

© Kolobov R. Yu., 2024

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Irkutsk Scientific Center SB RAS, Irkutsk, Russian Federation

The trends in the development of the system of protection of unique sites of global significance, created in accordance with the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage of 1972, are analyzed. The significant contribution of the considered legal and institutional mechanisms in the conservation of such sites and the need to strengthen them in the crisis of international relations are noted. The existing problems in the World Heritage protection system are analyzed on the example of the Declaration of principles to promote international solidarity and cooperation to preserve World Heritage, adopted in 2021 at the twenty-third session of the General Assembly of States Parties to the Convention. The persistent imbalance between cultural and natural heritage sites, which is also reflected in the text of the Declaration, is highlighted. A tendency to shift the focus on the selection and inscription processes is identified. There is a divergence between the provisions of the Convention and the practice of its application with regard to the role of the List. One of the serious problems threatening the sustainability of the World Heritage protection system is the systemic divergence between the positions of the World Heritage Committee and its Advisory Bodies. It is stated that there are shortcomings in the work of the Advisory Bodies of the Committee and the need to strengthen the quality of their scientific expertise. The necessity to create a comprehensive national normative-legal framework for the protection of World Natural Heritage in Russia is substantiated. On the example of Lake Baikal the necessity of preliminary scientific assessment of the consequences of changing the protection regime of World Heritage sites is shown. Based on the results of the study, proposals are formulated to improve the list of principles enshrined in the Declaration.

Keywords: world heritage, international law, world heritage list, world heritage committee, UNESCO.

Введение

Современная система международных отношений находится в кризисе, вызванном целым комплексом причин разнообразной природы. Тем ценнее становятся универсальные элементы международного правопорядка, подчеркивающие общность всех народов и наций как составляющих человеческой цивилизации. К таким элементам, несомненно, относится система охраны всемирного наследия, представленная сегодня не только одноименной Конвенцией¹, но и целым спектром документов, различными организациями и специфическими юридическими механизмами. Конвенция объединяет 195 стран мира², а в Список всемирного наследия (далее также – Список) на момент проведения настоящего исследования включено 1199 объектов.

Двадцатые годы двадцать первого века ставят серьезные вызовы перед системой охраны всемирного наследия, ответ на которые предстоит сформировать, прежде всего, странам – участницам Конвенции. Свообразным программным документом, концентрированно выражающим их представления об этих проблемах, стала Декларация принципов содействия международной солидарности и сотрудничеству в целях сохранения всемирного наследия (далее – Декларация), принятая на двадцать третьей сессии Генеральной ассамблеи государств – участников Конвенции, состоявшейся в ноябре 2021 г.³ Этот документ, принадлежащий к сфере международного мягкого права, встроен в сложную систему регуляторов международных отношений и опосредованно оказывает влияние на национальную практику охраны уникальных объектов общемирового значения.

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании ключевые положения Декларации будут подвергнуты критическому анализу и соотнесены как с текстом Конвенции, так и со сложившейся практикой ее применения на примере объектов всемирного природного наследия в России и за рубежом.

Актуальность проводимого анализа определяется общественной значимостью реше-

ний, принимаемых органами системы охраны всемирного наследия, их влиянием на состояние сохранности уникальных природных комплексов, а также явным дефицитом *юридических исследований особенностей охраны всемирного природного наследия.*

Результаты исследования

1. Декларация состоит из введения, преамбулы, ключевых (англ. *core*) принципов, изложенных в первом разделе, и двадцати двух пунктов второго раздела.

В качестве общих замечаний необходимо отметить, что по неясным причинам в разделе о ключевых принципах закрепляется уважение *культурного* разнообразия и подчеркивается необходимость рассмотрения *культурного* наследия в культурных контекстах своего существования. Не оспаривая принципиально этот подход, являющийся отражением долгой дискуссии об *универсальности* охраняемых Конвенцией ценностей [4; 11], нельзя не высказать недоумения по поводу отсутствия в числе ключевых принципов упоминания о *природном* наследии, а также о *культурных ландшафтах*. Начиная с 1972 г. в системе всемирного наследия осуществляются планомерные мероприятия по сближению ее культурной и природной «подсистем» [3] и устранению явного дисбаланса в представленности объектов культурного и природного наследия в Списке⁴. Представляется, что в разделе о ключевых принципах вполне заслуживает закрепления «человеческое измерение» природы, поскольку любое присвоение *ценности* природным объектам осуществляется человеком, исходя из его представлений о важности, значимости и полезности, являющихся частью *культуры*.

Достижением системы охраны всемирного наследия стало и формирование понятия «культурный ландшафт» [5]. Результатом долгой дискуссии стало их отнесение к категории культурного наследия, что не колеблет органичного и нераздельного сочетания их природных и культурных компонентов⁵, которое и позволяет отнести их к самостоятельной категории наследия. Мы полагаем, что при разработке в буду-

¹ Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия : заключена в г. Париже 16 ноября 1972 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. 44. М., 1990. С. 496–506 (далее также – Конвенция о всемирном наследии, Конвенция).

² См.: States Parties. URL: <https://whc.unesco.org/en/statesparties> (дата обращения: 25.12.2023).

³ Declaration of principles to promote international solidarity and cooperation to preserve World Heritage. URL: <https://whc.unesco.org/archive/2021/whc21-23GA-INF10-en.pdf> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ На момент подготовки настоящего исследования в Список внесено 933 объекта культурного наследия, 227 природного и 39 смешанного. URL: <https://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ Ярким примером такого рода является первый объект, внесенный в Список в качестве культурного ландшафта – Национальный парк «Тонгариро», коренные жители которого не разделяют природное и духовное значение горного массива, расположенного в его границах.

щем столь важных документов, определяющих направления развития системы охраны всемирного наследия, тематике сближения культурной и природной ее составляющих должно быть уделено большее внимание.

В числе одного из принципов, отраженных в первом разделе, – целостность, понимаемая как «поддержание высочайших стандартов профессиональных принципов, этики и честности при выполнении положений Конвенции». Соглашаясь с содержанием этого принципа, нельзя не обратить внимание на неудачный выбор термина для его описания. Понятие «целостность» используется в Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия (далее – Руководство) в совершенно ином смысле. В его пункте 88 целостность определяется как «мера единства и неповрежденности природного и (или) культурного наследия и его атрибутов», а пункты с 89 по 95 закрепляют особенности ее понимания в отношении отдельных видов всемирного наследия. Несмотря на достаточно продолжительное использование этого понятия в системе охраны всемирного наследия, в его понимании до сих пор остаются сложности¹, в связи с чем создавать еще одно значение термина «целостность» представляется излишним².

Наконец, мы полагаем, что помимо двух оставшихся принципов – объективности и беспристрастности, нашедших отражение в первом разделе, в нем вполне заслуживают отражение и иные общие начала, способные служить решению острых проблем в системе охраны всемирного наследия, о которых будет сказано далее – после рассмотрения отдельных положений, закрепленных во втором разделе Декларации.

2. Первое обстоятельство, обращающее на себя внимание в Декларации, – это значительное внимание к процессу номинации и включению объектов в Список. Эти тенденции обнаружили себя достаточно давно: выдвижение перспективных объектов всемирного наследия и осуществление активных лоббистских усилий для обеспечения их включения в Список в науке иногда называют «лихорадкой номинарования»

¹ Особенно в отношении объектов всемирного культурного наследия, для которых на момент написания настоящей статьи так и не разработаны условия целостности для каждого отдельного критерия выдающейся универсальной ценности [7, р. 385].

² Использование термина «целостность», очевидно, проистекает из резолюции 22 GA 10, предоставляющей рабочей группе открытого состава мандат на подготовку документа, который позже будет назван Декларацией. См.: Resolution 22 GA 10. URL: <https://whc.unesco.org/document/186171/p=code2021> (дата обращения: 20.11.2023).

(англ. *rush to inscribe*) [8]. В этой связи наличие в Декларации целого ряда положений, посвященного этим явлениям, закономерно. Так, стоит приветствовать призыв обеспечивать равное отношение к номинированным объектам (п. 6), предоставлять Комитету в срок точную и достоверную информацию (п. 7), соблюдать правило о заблаговременности представления предложений для рассмотрения Комитетом (п. 8), соблюдать принцип прозрачности в оценке номинаций (п. 14), а также принимать на себя самоограничения по выдвижению новых номинаций для обеспечения сбалансированности Списка, если государство уже достаточно представлено в нем (п. 22).

Особый интерес в рамках рассматриваемой проблематики представляет абсолютизация Декларацией приема листинга (включения в Список), входящая в формальное противоречие с Конвенцией, но соответствующая сложившейся практике ее применения. Помимо того, что значительная часть положений Декларации в той или иной мере затрагивает проблематику формирования Списка, в п. 11 Комитет выражает намерение признавать наличие выдающейся универсальной ценности (далее также – ВУЦ) объекта только в том случае, если он принимает решение о включении объекта в Список. В том же пункте прямо закрепляется, что объект не обладает выдающейся универсальной ценностью, если он не включен в Список.

Вместе с тем, строго говоря, обязательства государств по охране всемирного наследия возникают независимо от включения объектов в Список. Государства самостоятельно выявляют на своей территории объекты всемирного наследия, поскольку такая обязанность возложена на них в соответствии со ст. 3 Конвенции. Более того, ее ст. 12 недвусмысленно закрепляет, что невключение объекта в Список ни в коей мере не означает отсутствие выдающейся универсальной ценности для других целей, помимо тех, которые являются следствием включения в этот Список. Иначе говоря, невключение в Список препятствует применению тех последствий, для наступления которых обязательно такое включение, а они не так многочисленны – к ним относится, прежде всего, оказание международной помощи.

Однако практика применения Конвенции за более чем пятидесятилетний период показала, что случаи обращения к положениям ст. 12 единичны и сводятся к реакции на наиболее вопиющие случаи уничтожения всемирного наследия.

В остальных случаях деятельность органов системы охраны всемирного наследия предметно ограничивается исключительно объектами, включенными в Список, как и все методические руководства, подготавливаемые консультативными органами, так или иначе связаны с решениями Комитета о включении объектов в Список. К примеру, при формировании планов управления объектами всемирного наследия или при проведении оценки воздействия на наследие необходимо, прежде всего, выделять атрибуты и свойства объектов, содержащиеся в формулировке выдающейся универсальной ценности, утверждаемой Комитетом при принятии решения о включении объекта в Список.

Такое положение вещей вполне объяснимо, поскольку система охраны всемирного наследия стремится связать международно-правовые последствия признания какого-либо объекта всемирным наследием с международно-правовыми процедурами. Предварительные списки составляются государствами самостоятельно в одностороннем порядке и не являются предметом содержательного контроля на предмет наличия выдающейся универсальной ценности. Поэтому, действительно, включение объекта в Список создает известную степень определенности, и, думается, именно поэтому практика применения Конвенции пошла по пути признания ВУЦ за так называемыми листинговыми объектами, несмотря на положения ст. 12 Конвенции. Игнорирование реально сложившейся практики применения Конвенции, разумеется, недопустимо и контрпродуктивно: право существует не на бумаге, а в отношениях людей, оно таково, каким оно сформировалось в реальной жизни. Однако мы полагаем, что в политико-юридических документах столь высокого уровня вполне возможно использовать более обтекаемые формулировки, не входящие в прямое противоречие с основным нормативным текстом системы охраны всемирного наследия. С другой стороны, Генеральная ассамблея стран – участниц Конвенции вполне могла бы «вдохнуть новую жизнь» в положения ее статьи 12. В двадцатых годах двадцать первого века культурное и природное наследие продолжает испытывать на себе как традиционные угрозы в виде военных конфликтов, так и сталкивается с новыми вызовами, к числу которых в первую очередь относится меняющийся климат [6, р. 123]. В таких условиях напоминание о международных обязательствах по сохранению любого, в том числе и не включенного в Список, наследия было бы, как минимум, не лишним, а

как максимум – вполне возможно послужило бы толчком к переосмыслению и расширению роли Конвенции о всемирном наследии в международной жизни.

Примыкает к рассматриваемой группе вопросов и проблема определения выдающейся универсальной ценности. Эта международно-правовая конструкция используется для определения уникальных объектов, подпадающих под режим, установленный Конвенцией. Ее текст не содержит развернутой дефиниции рассматриваемой категории, в нем закрепляются лишь полномочия Комитета по определению критериев такой ценности (ст. 11). Эволюция развития системы охраны всемирного наследия привела к особому пониманию состава ВУЦ. Как закрепляется в актуальной редакции Руководства, обладание качеством выдающейся универсальной ценности предполагает соответствие ее критериям, выполнение условий целостности и подлинности (для культурных объектов), а также создание системы охраны и управления объектом. Положения п. 1 Декларации указывают лишь на первый элемент ВУЦ. Думается, что закрепление необходимости обеспечения целостности (подлинности), а в особенности – обеспечения системы управления и правовой охраны значительным образом содействовало бы смещению акцента с процесса номинации и включения новых объектов в Список на обеспечение их сохранения и должного управления ими.

3. Для описания следующей группы проблем мы привлечем взаимосвязанные положения п. 4 и 10 Декларации. В первом Комитет призывается к проявлению беспристрастности и использованию объективных и *научно обоснованных* соображений при принятии решений. Он также должен прислушиваться к иным мнениям, поощрять взаимное уважение и в случае разногласий стремиться достигать единогласия посредством сотрудничества. Пункт 10 Декларации начинается с констатации *суверенитета* стран – участниц Конвенции, входящих в состав Комитета, при принятии решения. При этом Комитет приложит усилия для принятия решений, учитывая рекомендации консультативных органов, посредством конструктивного и открытого диалога между всеми заинтересованными субъектами, включая Секретариат.

В приведенных положениях, несмотря на их обтекаемый и дипломатичный характер, отражается серьезная проблема расхождений позиций Секретариата (Центра всемирного

наследия) и консультативных органов с одной стороны, и Комитета – с другой. Выражаясь более общими категориями, можно утверждать о наличии конфликта политико-экономических интересов государств, входящих в состав Комитета¹, и политики иных органов системы охраны всемирного наследия. Проявление этих противоречий обнаруживает себя в различных вопросах. К примеру, известна практика принятия Комитетом решений о включении в Список объектов в противоречии с заключениями Международного союза охраны природы (далее также – МСОП). Уже обыденным явлением стало игнорирование рекомендаций консультативных органов о включении объектов в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. В ходе сорок четвертой сессии Комитета чрезвычайно остро встал вопрос об исключении из Списка находящегося в Танзании объекта «Охотничий резерват “Селус”». Международный союз охраны природы и Центр выразили однозначное мнение о том, что строительство плотины в границах объекта всемирного наследия критическим образом подрывает его целостность, в связи с чем он утрачивает те свойства, наличие которых обусловило его нахождение в Списке. Однако в ходе долгой дискуссии большинство государств высказалось за сохранение этого объекта в Списке. Помимо отражения конфликта между интересами социально-экономического развития стран Африки и охраны природы, эта ситуация поставила под сомнение принципиальность системы охраны всемирного наследия и ее качество мирового «золотого стандарта» в вопросах охраны уникальных объектов. Одновременно с этим под угрозу были поставлены и чрезвычайно хрупкие инструменты мягкого права, долгое время формировавшиеся в практике Комитета и его консультативных органов. Этим решением Комитет косвенно санкционировал возведение плотин гидроэлектростанций в границах объектов всемирного наследия, несмотря на то, что ранее в его решениях высказывалась категоричная позиция о недопустимости такого строительства.

¹ Нелишним будет напомнить, что его полное наименование – Межправительственный комитет по охране культурного и природного наследия всеобщего выдающегося значения. В политологических исследованиях убедительно показано, что на принятие решения Комитетом оказывает влияние значительное число факторов, начиная от того, какие именно государства входят в его состав, и заканчивая числом делегатов, представленных на сессии Комитета. См., например, [9]. Нельзя не отметить и широко применяемую практику лоббирования принятия необходимых решений Комитетом, недопустимость которой констатируется в п. 21 Декларации.

Мы вовсе не предрешаем правильность одного или другого подхода, в особенности принимая во внимание и недостатки в работе консультативных органов. Так, позиция МСОП об исключении объекта из Списка была аргументирована чрезвычайно слабо, а одним из аргументов, который был оставлен без содержательного ответа со стороны консультативного органа, было отражение планов строительства ГЭС в технической оценке МСОП 1982 г. На той же сорок четвертой сессии Комитета в Список был включен Горно-промышленный ландшафт Рошия-Монтанэ, расположенный в Румынии. Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС) рекомендовал этот объект к инскрипции, несмотря на то, что в подготовленной им оценке материалов номинации указывалось на недостаточность мер национальной правовой охраны². В науке справедливо подчеркивалось, что включение таких объектов в Список подрывает доверие к системе охраны всемирного наследия и способно создать целый комплекс проблем в будущем [10, p. 203].

В свете поднятой проблематики представляется необходимым проведение системных мероприятий по согласованию подходов различных органов системы охраны всемирного наследия, усилению качества и оперативности научной экспертизы консультативных органов (не в последнюю очередь за счет увеличения их финансирования). Теоретической основой для согласования описанных тенденций на современном этапе развития международной нормативной системы может стать только парадигма устойчивого развития, получившая признание подавляющего числа государств. Вместе с тем ее воплощение должно на уровне системы охраны всемирного наследия иметь более практически ориентированный характер (в том числе также обеспеченный необходимым финансированием), поскольку принимаемые ее органами политические и методические документы зачастую включают в себя верные, но излишне общие и декларативные позиции, малопригодные для каждодневной деятельности управляющих объектами лиц.

Нельзя не отметить, что проблематика обеспечения объективной и беспристрастной науч-

² В частности, в нем указывается на наличие выданных лицензий на проведение горных работ, а также что в случае их начала большинство ценностей будет уничтожено. См.: Roşia Montană Mining Landscape (Romania). No 1552rev. URL: <https://whc.unesco.org/document/189208> P. 259 (дата обращения: 25.12.2023).

ной экспертизы имеет и национально-правовое измерение, поскольку большинство положений Конвенции носит несамостоятельный характер. Очень ярко этот вопрос проявил себя в 2023 г. при рассмотрении законопроекта № 387575-8¹, предполагавшего ослабление запрета на проведение сплошных рубок лесных насаждений в границах центральной экологической зоны Байкальской природной территории². Динамика состояния оз. Байкал, как известно, в значительной мере связана с состоянием окружающей его лесной экосистемы. Эта связь предопределяет необходимость проведения всесторонней научной оценки возможных последствий в изменении правового режима охраны и использовании лесов. Материалы, представленные в информационной системе Государственной Думы Федерального Собрания в карточке указанного законопроекта, не содержат такого рода исследований, а пояснительная записка к столь серьезному законопроекту составляет чуть более трех страниц.

По нашему мнению, такая ситуация вызвана прежде всего отсутствием комплексного закрепления режима правовой охраны объектов всемирного природного наследия в действующем российском законодательстве. Законодательное закрепление необходимости проведения оценки воздействия на выдающуюся универсальную ценность уникальных природных комплексов в соответствии со стандартами системы охраны всемирного наследия позволит обеспечить как применение передовых подходов в охране природы, так и выполнение международных обязательств Российской Федерации.

Пункт 19 анализируемой Декларации закрепляет необходимость государств оказывать содействие Комитету в принятии беспристрастных решений, основанных на объективных и научных соображениях. С учетом сказанного представляется нелишним отражение в политических документах, подобных Декларации, приверженности государств формированию комплексной внутренней нормативной базы по вопросам охраны как всемирного культурного, так и природного наследия.

Обсуждения и заключения

Несмотря на отмеченные проблемы, за пятьдесят лет своего существования система охраны всемирного наследия сыграла существенную роль в сохранении уникальных объектов мирового значения. Включение в Список всемирного наследия является одним из наиболее действенных средств, обеспечивающих развитие туризма [1, с. 100–103], а Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, позволяет привлекать внимание международной общественности к ситуациям, угрожающим существованию объектов общемирового значения [2, с. 110]. Поэтому сохранение и укрепление системы охраны всемирного наследия представляется важным направлением деятельности всех государств – участников Конвенции и Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

Универсальный характер Конвенции предполагает постоянный поиск компромиссов между разнообразными политическими, экономическими, природоохранными и многими другими группами интересов. В этих условиях формой поиска и закрепления таких компромиссов становятся инструменты мягкого международного права, к которым относится подвергшаяся анализу Декларация.

В дополнение к рассмотренным ее положениям мы хотели бы обратить внимание еще на одну идею, которая вполне заслуживает того, чтобы быть закрепленной в качестве ключевого принципа. Несмотря на неоднократно отмечавшуюся неизбежность учета политических факторов при принятии решений в системе охраны всемирного наследия, по крайней мере один аспект этой деятельности должен быть в максимальной степени освобожден от текущей международной повестки. Речь идет о выдающейся универсальной ценности – международно-правовой конструкции, находящейся в центре всех элементов системы, созданных Конвенций. Несмотря на разногласия по поводу путей развития государств и способов реализации их внутренней и внешней политики, человечество должно сохранить и передать будущим поколениям выдающиеся творения человека и природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колобов Р. Ю. Потенциал Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия для социально-экономического развития Байкальской природной территории // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2. С. 100–106.

¹ О внесении изменений в статью 25-1 Федерального закона «Об охране озера Байкал» и статью 11 Федерального закона «Об экологической экспертизе»: законопроект № 387575-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/387575-8> (дата обращения: 11.10.2023).

² Границы объекта всемирного наследия «Озеро Байкал» совпадают с границами ЦЭЗ БПТ за исключением территорий пяти крупных поселений.

2. Колобов Р. Ю., Ганева Е. О., Кузьмина В. В. «Красные» природоохранные списки в международном праве // Сибирский юридический вестник. 2023. № 1. С. 107–117. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.1.107>
3. Dailoo S. S., Pannekoek F. Nature and Culture: A New World Heritage Context // *International Journal of Cultural Property*. 2008. Vol. 15, N 1. P. 25–47.
4. Droste B. The concept of outstanding universal value and its application // *Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development*. 2011. Vol. 1, N 1. P. 26–41.
5. Gfeller A. E. Negotiating the meaning of global heritage: ‘cultural landscapes’ in the UNESCO World Heritage Convention, 1972–92 // *Journal of Global History*. 2013. Vol. 8, N 3. P. 483–503.
6. Huggins A. Protecting World Heritage Sites from the Adverse Impacts of Climate Change: Obligations for States Parties to the World Heritage Convention // *Australian International Law Journal*. 2007. Vol. 14. P. 121–136.
7. Khalaf R. W. The Implementation of the UNESCO World Heritage Convention: Continuity and Compatibility as Qualifying Conditions of Integrity // *Heritage*. 2020. Vol. 3, N 2. P. 384–401.
8. Mesckell L. The rush to inscribe: Reflections on the 35th Session of the World Heritage Committee, UNESCO Paris, 2011 // *Journal of Field Archaeology*. 2012. Vol. 37, N 2. P. 145–151.
9. Multilateralism and UNESCO World Heritage: Decision-making, States Parties and political processes / L. Mesckell, C. Liuzza, E. Beracchini, S. Donatella // *International Journal of Heritage Studies*. 2015. Vol. 21, N 5. P. 423–440.
10. Taylor J. T. The ascendancy of diplomatic expertise and decline of heritage knowledge in world heritage decision-making: The curious case of the Rosia Montana mining landscape’s dual world heritage inscription // *Melbourne Journal of International Law*. 2022. Vol. 23, N 1. P. 189–207.
11. Tucker H., Carnegie E. World heritage and the contradictions of “universal value” // *Annals of Tourism Research*. 2014. Vol. 47. P. 63–76.
4. Droste B. The concept of outstanding universal value and its application. *Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 26-41.
5. Gfeller A.E. Negotiating the meaning of global heritage: ‘cultural landscapes’ in the UNESCO World Heritage Convention, 1972-92. *Journal of Global History*, 2013, vol. 8, no. 3, pp. 483-503.
6. Huggins A. Protecting World Heritage Sites from the Adverse Impacts of Climate Change: Obligations for States Parties to the World Heritage Convention. *Australian International Law Journal*, 2007, vol. 14, pp. 121-136.
7. Khalaf R.W. The Implementation of the UNESCO World Heritage Convention: Continuity and Compatibility as Qualifying Conditions of Integrity. *Heritage*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 384-401.
8. Mesckell L. The rush to inscribe: Reflections on the 35th Session of the World Heritage Committee, UNESCO Paris, 2011. *Journal of Field Archaeology*, 2012, vol. 37, no. 2, pp. 145-151.
9. Mesckell L., Liuzza C., Beracchini E., Donatella S. Multilateralism and UNESCO World Heritage: Decision-making, States Parties and political processes. *International Journal of Heritage Studies*, 2015, vol. 21, no. 5, pp. 423-440.
10. Taylor J.T. The ascendancy of diplomatic expertise and decline of heritage knowledge in world heritage decision-making: The curious case of the Rosia Montana mining landscape’s dual world heritage inscription. *Melbourne Journal of International Law*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 189-207.
11. Tucker H., Carnegie E. World heritage and the contradictions of “universal value”. *Annals of Tourism Research*, 2014, vol. 47, pp. 63-76.

Статья поступила в редакцию 12.01.2024; одобрена после рецензирования 01.02.2024; принята к публикации 09.02.2024

Received on 12.01.2024; approved on 01.02.2024; accepted for publication on 09.02.2024

REFERENCES

1. Kolobov R.Yu. Potencial Konvencii ob ohrane vseмирnogo kulturnogo i prirodnoгo naslediya dlya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Bajkal'skoj prirodnoj territorii [Potential of the Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage for the socio-economic development of the Baikal Natural Territory]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2020, no. 2, pp. 100–106. (in Russian)
2. Kolobov R.YU., Ganeva E.O., Kuz'mina V. V. “Krasnye” prirodohrannnye spiski v mezhdunarodnom prave [“Red” environmental lists in International Law]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2023, no. 1, pp. 107–117. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.1.107>
3. Dailoo S.S., Pannekoek F. Nature and Culture: A New World Heritage Context. *International Journal of Cultural Property*, 2008, vol. 15, no. 1, pp. 25–47. (in Russian)
4. Droste B. The concept of outstanding universal value and its application. *Journal of Cultural Heritage Management and Sustainable Development*, 2011, vol. 1, no. 1, pp. 26-41.
5. Gfeller A.E. Negotiating the meaning of global heritage: ‘cultural landscapes’ in the UNESCO World Heritage Convention, 1972-92. *Journal of Global History*, 2013, vol. 8, no. 3, pp. 483-503.
6. Huggins A. Protecting World Heritage Sites from the Adverse Impacts of Climate Change: Obligations for States Parties to the World Heritage Convention. *Australian International Law Journal*, 2007, vol. 14, pp. 121-136.
7. Khalaf R.W. The Implementation of the UNESCO World Heritage Convention: Continuity and Compatibility as Qualifying Conditions of Integrity. *Heritage*, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 384-401.
8. Mesckell L. The rush to inscribe: Reflections on the 35th Session of the World Heritage Committee, UNESCO Paris, 2011. *Journal of Field Archaeology*, 2012, vol. 37, no. 2, pp. 145-151.
9. Mesckell L., Liuzza C., Beracchini E., Donatella S. Multilateralism and UNESCO World Heritage: Decision-making, States Parties and political processes. *International Journal of Heritage Studies*, 2015, vol. 21, no. 5, pp. 423-440.
10. Taylor J.T. The ascendancy of diplomatic expertise and decline of heritage knowledge in world heritage decision-making: The curious case of the Rosia Montana mining landscape’s dual world heritage inscription. *Melbourne Journal of International Law*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 189-207.
11. Tucker H., Carnegie E. World heritage and the contradictions of “universal value”. *Annals of Tourism Research*, 2014, vol. 47, pp. 63-76.

Колобов Роман Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1); научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных проблем, Иркутский научный центр СО РАН (Россия, 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 134), ORCID: 0000-0003-1488-7530, ResearcherID: H-4644-2016, e-mail: roman.kolobov@gmail.com

Kolobov Roman Yurievich – Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor of Department of International and Comparative Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation); Researcher of Department of Regional Economic and Social problems, Irkutsk Scientific Centre SB RAS (134, Lermontov st., Irkutsk, 664033, Russian Federation), ORCID: 0000-0003-1488-7530, ResearcherID: H-4644-2016, e-mail: roman.kolobov@gmail.com